

Василий Нарезный

Мария

Василий Нарезный
Мария

«Public Domain»

1824

Нарежный В. Т.

Мария / В. Т. Нарежный — «Public Domain», 1824

«Цель повести „Мария“ самая полезная. Автор хотел показать, что самое лучшее воспитание если оно не согласовано с предназначением нашим в общественной жизни, бывает для нас пагубно и что любовь, самая невинная, самая благородная, между людьми, родившимися, по-видимому, друг для друга, но в разных или, так сказать, противоположных между собою состояниях, есть ужаснейшее мучение, которое только одна смерть прекратить может». (Благонамеренный, 1824, ч. 18, с. 25).

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Василий Трофимович Нарезный Мария

Один из коротких моих приятелей, прожив в северной столице нашей более двадцати лет, дослужился значащего чина и остаток дней пожелал провести в покое. Наследственную деревушку, стоящую недалеко от Полтавы, назначил он пристанищем, взял отставку, простился с друзьями и, обещаясь мне вести исправную переписку, пока и я не последую его примеру, отправился в дорогу.

Спустя около месяца после его отъезда я получил письмо, по прочтении которого показалось мне, что оно не без пользы и удовольствия может быть читано и другими.

Письмо это, по выпущении того, что собственно касалось до меня и его, гласит следующее:

«В двадцатой день июля, от восхода до заката солнечного, я уехал около двенадцати верст, хотя ехал беспрестанно и лошадей измучил до крайности. Бывший накануне проливной дождь, превратившийся на этот день в мелкий и частый, до такой степени перепортил дорогу, не так-то исправную и при хорошей погоде, что я решился переночевать в ближнем селе, которое показывалось около версты в сторону от большой дороги. Слуга мой и кучер единогласно одобрили это намерение. Прибыв в селение, мы уведомились, что лучшего ночлега не сыщем, как в господском доме, в коем живет старый управитель Хрисанф, положивший обязанностью никому не отказывать в странноприимстве. С радостью приняли мы это предложение и въехали на господский двор. Едва приблизились к высокому крыльцу, как выскочили два работника и спросили, что нам угодно? „Отдохновения, – отвечал я, – а за издержки отблагодарю щедро“. – После этих слов один из спрашивавших скрылся, и через минуту предстал к нам старик величественного роста и вида, с седой бородой, в купеческой одежде. „Если вы, милостивой государь, – сказал он с учтивым поклоном, – не более требуете, как покоя на ночь, и надеетесь найти это в здешнем жилище, я прославлю случай, доставляющий мне удовольствие провести с вами наступивший вечер и разделить ужин. Люди ваши и лошади также не останутся непризренными. Прошу покорно!“»

Выскочив из повозки и дав нужные приказания слуге и кучеру, пошел я за хозяином в дом и, прошед несколько покоев, вступил в комнату, весьма хорошо прибранную, а в ней увидел покойную кровать, у окон стол с письменным прибором и в углу шкаф. «Побудьте здесь, – сказал хозяин, пока я дам нужные приказания, чтобы все довольны были. Если ж покажется скучно, то в этом шкапу найдите несколько книг, которыми можете позабавиться».

По выходе его я взял свечку, подошел к шкапу, открыл и – остоленел от удивления: я полагал, что найду там похождения Ваньки Каина, Картуша¹ и тому подобное, но – вместо того – увидел весь театр Корнеля², Расина³ и Вольтера⁴, басни Лафонтеновы⁵, полное издание Жан-Жака Руссо⁶ и лучших русских стихотворцев и прозаиков. В самом низу лежала гитара на куче нотных тетрадей. Несколько минут стоял я, не зная что и подумать о моем хозяине; наконец вынул том Лафонтеновых басен и уселся за столом.

¹ ...похождения Ваньки Каина, Картуша... – Ванька Каин известный вор и сыщик, живший в XVIII в. Картуш – знаменитый французский разбойник, живший в начале XVIII в. Их похождения были описаны Матвеем Комаровым в XVIII в и пользовались большой популярностью.

² Корнель – Пьер Корнель (1606–1684), выдающийся французский поэт и драматург эпохи классицизма.

³ Расин – Жан Расин (1639–1699), выдающийся французский драматург эпохи классицизма, автор многих трагедий.

⁴ Вольтер – Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694–1778), знаменитый французский просветитель, автор повестей, поэм, трагедий и трактатов.

⁵ Лафонтен – Жан Лафонтен (1621–1695), известный французский баснописец.

⁶ Руссо – Жан Жак Руссо (1712–1778), французский писатель и философ, видный деятель эпохи Просвещения.

Вскоре явился работник с самоваром, потом принес весь чайный прибор, а за ним пожаловал и управитель. Хотя во взорах его гнездилась какая-то горесть, очень ясно изображавшаяся, но он хотел казаться веселым, и я почел за неучтивость выведывать причины этой болезни душевной.

Когда прибор был вынесен и я остался один с хозяином, то не утерпел спросить: «Скажи, пожалуй, добрый старик, кто читает у тебя эти книги?» Он отвечал с горькою улыбкою: «Дочь моя, Марья. Конечно, я прогневил небо, что оно покарало меня в предмете моей горячности и, даровав мне милую, добрую дочь, сделало ее несчастною!» – «Почему же? – спросил я с недоумением, – по всему кажется, что дочь твоя воспитана гораздо выше своего состояния, и неужели это могло быть причиной какого-либо несчастья?» – «Это-то самое, – отвечал старец, – погрузило ее в бездну злополучия, от коего избавится она не прежде, пока не опустится в могилу».

Я не знал, что отвечать деревенскому жителю, которого взор, голос, движения и слова казались совсем несогласными с его званием. Любопытство начало подстрекать меня, и я задумался, выискивая приличный случай спросить, не казавшись нескромным, кто он и дочь его Марья, – как в ближней комнате раздался громко женский голос: «Он приехал? где? где?» Быстро отворились двери, и молодая, прекрасная женщина, в длинном белом платье, вбежала с отверстыми объятиями. Она устремилась ко мне, но, не дошед шага на три, остановилась с трепетом и закрыла глаза руками. Я совершенно расстроился. Старик, со слезами на глазах, подошел к ней, взял за руку и сказал: «Ах, Маша! бедная Маша! сколько раз я просил тебя, чтобы ты в такую погоду не выходила из дому? Смотри, ты вся 06– мокла, и руки холодны, как ледяные; поди в свою комнату и переоденься, а не то – ляг в постелю». – «Нет, – сказала она, открыв глаза и дико улыбнувшись, – мне спать не хочется. Злые люди обманули меня; они сказали, что Аскалон сегодня непременно будет сюда, и я бросилась встретить его. Но ах! целый день бродила по проезжей дороге, а его не видала. Возвращаясь домой, мне также сказано, что он уже приехал: я обмерла от радости – и опять обманулась». Тут она тотчас взглянула на меня, отворотилась и вышла из комнаты. Отец за нею последовал.

Очень ясно увидел я, что гощу не у обыкновенных крестьян и что хотя бледная, с пасмурными взорами, в вымоченном платье, но все еще прекрасная Маша лишилась первого драгоценнейшего дара, которым провидение облагодетельствовало человека, лишилась здравого смысла или по меньшей мере расстроилась в оном.

Когда я думал и передумывал о виденном и слышанном мною, хозяин вошел, а за ним работник с чашею пунша, о чем сей час догадался я по ароматическому запаху. «Милостивый государь! – сказал он дружески, – от слуги вашего узнал я что вы довольно времени прожили в Петербурге, а потому покорнейше прошу принять приглашение мое и выкушать стакан напитка, столько уважаемого на севере.

Хотя помещик этой деревни от рода в нее не заглядывал, однако приказал мне содержать весь этот дом точно в таком состоянии, как будто бы каждую минуту его здесь ожидали. Прошу покорнейше».

Когда в наших стаканах начало показываться дно, то время от времени делались мы доверчивее, чистосердечнее, и я без дальнего предисловия сказал, что очень было б для меня желательно знать, какие обстоятельства повергли дочь его в то бедственное состояние, в каком ее видим? «Вы не ошиблись, милостивый государь, – отвечал он, – что состояние моей дочери очень бедственно; она с каждою минутой приближается к гробу, и меня туда ж влечет. Она-то может служить примером, как воспитание, данное детям выше их состояния, бывает губительно. О Маша! Если бы ты оставалась в быту крестьянском, то, наверно, была бы отрадою родителям, украшением стороны родимой, была бы благополучна, а теперь...»

Старик отер слезы, выступившие из глаз его. «Я вижу, – продолжал он, что вы любопытны знать причины несчастья, постигшего мое семейство. Повествование о горестях, нами претерпленных, облегчает тягость, обременяющую сердца наши. Выслушайте:

Я принадлежу знатному и богатому графу С. Когда он начал управлять сам своими поступками и имением, то из большого числа дворовых служителей избрал меня управителем его дома. Бесперывные занятия и хлопоты, сопряженные с этим званием, не оставляли мне времени и подумать собственно о себе и о дальнейшей судьбе своей. Радея сколько можно к пользам моего господина, я приобрел полную его доверенность; слуги его беспрекословно мне повиновались, я жил в довольстве, был здоров, спокоен в совести: чего ж не доставало к истинному счастью?

Граф от природы был кроткого, миролюбивого нрава, никогда не наказывал телесно, и в случае какого-либо проступка со стороны слуги или служанки один гневный взор его был великим наказанием; за то и служители берегли спокойствие его более собственного. Супруга графская была хотя не совсем дурного нрава, но так высокомерна, так напыщена своим сиянием, что редко кого-либо из подвластных ей людей удостоивала ласковым взглядом. Она считала их за насекомых, которых могла душить и топтать по произволу; при всем том, однако ж, как такой образ ее чувствований был всякому известен и все старались служить ей с величайшим подобострастием то все шло наилучшим образом, и в нашем многолюдном, великолепно доме было весьма покойно.

Уже Аскалону, сыну графскому, исполнилось пять, лет как сиятельный дом обрадован был рождением молодой графини, Евгении. Тогда, при одном случае, граф сказал мне: „Хрисанф! ты уже начинаешь сидеть, а все еще не думаешь приобрести удовольствие видеть возрождение свое в милых детях. Я знаю, что при всей честности твоей ты имеешь изрядный недостаток, следственно, можешь упрочить им жизнь безбедную; сверх же того, за твою усердную службу, я сделаю тебя свободным со всем будущим твоим потомством, с тем условием, чтоб ты до смерти моей служил при моем доме, ибо я привык к тебе, и мне уже трудно на место твое выбрать другого“.

Такое милостивое расположение господина показалось для меня весьма лестным; я благодарил его чувствительнейшим образом, выбрал себе лучшую девушку во всем нашем доме, женился и чрез год обрадован был рождением дочери, этой самой Марьи, которую вы видели.

Ах! дума т ли я тогда, что она сделается источником тяжких для меня горестей! Но видно, так угодно было провидению!

Марья с самого младенчества обнаруживала кроткий., веселый ноав, покорность воле старшего и отличную чувствительность. Графиня, видя ее очень часто, ибо жена моя была при ней смотрительницей над всеми горничными женщинами и девушками, полюбила и по своей власти приставила ее непосредственно в услуги к своей дочери. Тогда Марье было от роду пять лет, Евгении шесть, а Аскалону одиннадцать.

По прошествии недолгого времени к молодой графике приставлены были учителя и учительницы; но главное воспитание предоставлено руководству славного аббата Бертольда, который воспитывал графского сына на швейцарский образец; ибо он, к несчастью, думал, что из россиянина ничего путного не выйдет, пока он предварительно в недрах своего отечества не сделается чужестранцем.

Евгения полюбила дочь мою, как сестру, и просила, чтобы им дозволено было и во время уроков не разлучаться, так как они доселе во всякое время были неразлучны.

Бертольд, как республиканец, похвалил такое благородное желание Евгении; родители дали согласие, и десять лет прошли так, что я благословлял небо за дарованную мне покойную жизнь, за здоровье моего семейства и успехи моей милой Маши во всех упражнениях, различных се полу и воспитанию, превосходящему состояние родителей.

Граф Аскалон, которому уже исполнилось двадцать лет, был истинное подобие добродушного отца своего; он за правило поставил каждый день несколько раз навещать сестру свою и в обхождении не делал никакого приметного различия между ею и моею дочерью. Когда он хвалил успехи Евгении, то всегда вмешивал тут и Машу; когда приносил небольшие подарки одной, то и другая никогда забыта не бывала, и – по рассеянности своей нередко лучшие подносил последней, что бывало между ими поводом к невинным шуткам; ибо Евгения хотя была не столько простодушна и кротка, как брат ее, однако ж не столь горда и напыщена, как ее родительница; а привычка видеть дочь мою участницей во всех играх, в ученьи, в прогулках и поверенною во всех детских тайностях, в глазах всякого постороннего показывали их двумя нежными сестрами милого Аскалона. Так прошло еще около двух лет, и непредвиденная буря зашумела над головами беспечных, грянул удар грома, раздробил в корне дерево надежд наших и оставил самое горестное воспоминание. Так угодно было промыслу божию! Следуя вдохновению всемогущей моды, Аскалон должен был готовиться к путешествию по иностранным владениям, не для того, чтобы, все хорошее и все дурное чужеземное слича с хорошим и дурным отечественным, найти способы, истребив последнее, придерживаться первого, а так: то есть мода требовала, чтоб молодой, знатный, богатый человек путешествовал вне отечества, и Аскалон должен был непременно проскакать несколько сотен миль за границу. Когда мудрый Бертольд делал самые ревностные приготовления, к общему удивлению заметили в молодом графе задумчивость, уныние, даже некоторую дикость, какой нельзя было ожидать от человека, образованного по методе Жан-Жака. Такое необыкновенное явление родители приписали необыкновенной нежности сына и не могли нахвалиться тем и тайно и явно. День отъезда назначен, и Аскалон казался совершенно потерянным.

Добродушные люди, более склонные к покою, нежели к действию, а особливо в то время, когда потребовалось бы нечто к нарушению сего покоя, не скоро могут быть взволнованы до того, чтобы дозволили себе какое-нибудь огорчение без самой важной, побудительной к тому причины. Посему граф весьма хладнокровно слушал о меланхолических проказах своего сына и ни на шаг не отступал от обыкновенных занятий, кои были весьма не мозголомны. Однако ж, к великому ужасу всего дома, накануне отъезда Аскалонова, поутру граф вышел из спальни в кабинет свой мрачен, как ненастная ночь осенняя. С негодованием выгнал он официанта, явившегося с шоколадом, и никого не допустил к себе. До двенадцати часов пробыл он в совершенном уединении.

Разумеется, что служители, в числе которых был и я, стоя у дверей, трепетали, ибо никто не мог припомнить, чтобы граф был когда-нибудь в подобном положении. В сказанное время он позвонил, и я по обыкновению явился.

Он был бледен; мрачные взоры его устремлены были в землю, брови нахмурены; он взглянул на меня вскользь и спросил вполголоса: „Приятно ли тебе видеть меня в сем положении?“ – Я обомлел, колена мои задрожали и, припадши к ногам его, я едва мог произнести: „Ваше сиятельство! от самой колыбели и до сего я был при вас непрерывно и никогда не имел несчастья видеть вас в такой горести, как ныне. Удостойте объявить причину оной и поискать способы истребить эту змею ядовитую!“ – „Встань, – сказал граф, ты должен узнать, да сейчас и узнаешь причину моей горести, и горести совсем не мечтательной. Ты опять изменяешься в лице? Разве ты предчувствуешь, что я хочу сказать тебе? Да! Если ты и под старость столько ж честен и предан своему господину, как был в молодости, то ты должен угадывать теперешние мысли мои! Говори, но говори истину, ложь к тебе не пристанет: что– заключаешь ты о странностях, выкидываемых с некоторого времени моим сыном?“ – „То же самое, что думает весь дом вашего сиятельства!“ – „А что заключают мои домашние?“ – „Что молодому графу тягостно расстаться с своими родителями, с ближними“. – „Да, – вскричал старик необыкновенным голосом, – ему действительно тягостно расстаться, но только не с нами, а с твоею дочерью – Марьею!“

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.